
В. И. ПУЗЬКО

КРИЗИС ИДЕНТИЧНОСТИ ЛИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Бесследно все – и так легко не быть!

Ф. Тютчев

Необходимость заботы о целостности личности

Современная философская мысль в своем интересе к процессу глобализации гораздо чаще останавливает свое внимание на глобальных объектах, связанных с понятием идентичности: идентичность культур, наций, этносов (В. Р. Чагилов, Ф. Х. Кессиди, М. А. Мунтян, А. Д. Урсул и др.), чем на проблемах личности в условиях глобализации. Между тем глобализация трансформирует не только экономические и политические отношения, она сильно и резко меняет мировоззрение современного человека, в результате чего возникают идеологические и культурные конфликты, психологическое напряжение и мировоззренческая неудовлетворенность. Поэтому представляется, что в современном противоречивом и конфликтном мире одной из важнейших тем философской рефлексии должна стать целостность и интеграция личности.

Целостность личности связана с такими понятиями, как идентификация, идентичность личности и кризис идентичности. И «человеческое, слишком человеческое» – влияние современного многослойного и антиномного контекста бытия человека на становление идентичности, на разрешение кризисов идентичности отдельного человека – остается темой для междисциплинарного размышления. Другой стороной данной проблемы является определение *культурного инструмента* для построения и сохранения идентичности, ее осмысленного бытия в условиях глобализации.

Каково значение идентичности для личности? *Зрелая идентичность* интегрирует жизненный опыт, дарования, социальные возможности в эго индивидуума, охраняет когерентность и индивиду-

альность его опыта, подготавливает индивидуума к ударам, грозящим от разрывов непрерывности в среде, предвидит внутренние и внешние опасности (Э. Эриксон). Если культура перестает поставлять индивидам жизнеспособные образцы, то формируются негативные, запутанные идентичности, снижается способность сдерживать негативные элементы и формируется деструктивное поведение у людей и с позитивной идентичностью. Если же чувство идентичности утрачивается, на место целостности и полноты личности приходят отчаяние, изоляция, смешение ролей, тревога и страхи. Это связано с тем, что форма бытия культуры в своем решительном обновлении может вступить в противоречие с содержанием жизненного опыта человека.

Идентичность как социокультурная проблема

Сущность идентичности в психологии определяется как осознание индивидом непрерывности и тождественности во времени (Д. Локк), последовательности и непротиворечивости собственной личности (У. Джемс), идентификация в детстве с жизнью родителей, затем с национальными, социокультурными символами общества (З. Фрейд). По эпигенетической стадийной концепции развития личности Э. Эриксона¹, цель развития личности – целостность как зрелое качество, обязанное своим происхождением всем стадиям развития эго. *Зрелая психосоциальная идентичность* – это «внутренняя тождественность и непрерывность, подготовленная прошлым индивидуума, сочетается с тождественностью и непрерывностью значения для других, выявляемая в реальной перспективе “карьеры”»². *Достигнутая идентичность* выражается в способности человека испытывать доверие, иметь личностно значимые цели, ценности и убеждения, чувство направленности и осмысленности жизни, осознавать и преодолевать трудности на избранном пути. *Мораторий* – это состояние кризиса идентичности и активный поиск его разрешения, во время которого человек ищет полезную для разрешения кризиса информацию и реально экспериментирует со стилями жизни.

¹ Элиаде, М. Священное и мирское. – М.: Изд-во МГУ, 1994.

² Там же. – С. 367.

Преждевременная идентичность свойственна человеку, который, минуя кризис, относительно рано в жизни приобретает определенные цели, ценности, убеждения вследствие идентификации с родителями или другими значимыми людьми. Человек с *диффузной идентичностью* не имеет прочных целей, ценностей и убеждений, не пытается их сформировать, не способен решать возникающие проблемы и переживает негативные состояния: пессимизм, злобу, отчуждение, беспомощность и безнадежность.

Дж. Мид в концепции символического интеракционизма выделил два аспекта идентичности: *социально детерминированную идентичность* («Me»), которая строится из интернализованных «генерализованных других», и *индивидуальную идентичность* («I»), благодаря которой человек реагирует на социальную ситуацию неповторимым образом. Мид считал, что идентичность возникает как результат социального общения человека при условии включенности индивида в социальную группу, где исключительное значение имеет *символическая коммуникация* – вербальная и невербальная. Он же выделил осознаваемый и неосознаваемый типы идентичности. *Неосознаваемая идентичность* базируется на неосознанно принятых человеком нормах, привычках, ожиданиях, поступающих от социальной группы, к которой он принадлежит. *Осознаваемая идентичность* возникает на основе рефлексии и выражает относительную свободу личности, которая думает о цели и тактике своего поведения, а не слепо следует ритуализированному социальному действию³.

Развивая идеи Дж. Мида, в современной социальной философии и психологии выделяют и другие типы идентичности: *социальная идентичность*, *личная идентичность*, *Я-идентичность* (И. Гофман). Социальная идентичность предъявляет себя как актуальная и виртуальная посредством обозначения себя очевидными атрибутами (депутатский мандат) и предполагаемыми атрибутами («мигалка» на машине депутата) с целью влияния на социальное окружение. В моделях социального поведения реализуется «борьба идентичностей»: манипулируя *предъявляемой* (образ, транслируемый другим) идентичностью, человек старается приблизить *реаль-*

³ Мид, Дж. Интернализованные другие и самость. – М.: Наука, 1989.

ную (таким индивид воспринимает себя) к *идеальной* (таким хотелось бы себя видеть) идентичности и увеличить дистанцию между реальной и *негативной* (таким не хотелось бы себя видеть) идентичностями (Р. Фогельсон).

В философии французского персонализма (Э. Мунье) сущность идентичности раскрывается в связи с пониманием личности под влиянием категорий экзистенциализма (свобода, внутренний мир, коммуникация) и марксизма (личность выражает современную ей реальность). Целостность личности осуществляется через построение идентичности как «призвания, призыва к единству» самотворчества, коммуникации и единения с другими людьми. «Личность существует только в своем устремлении к “другому”, познает себя только через другого и обретает себя только в “другом”. Первичный опыт личности – это опыт “другой” личности»⁴.

Другим источником идентичности является субъективность как самоотождествление, или обозначение своей внутренней жизни, интимности – глубинного и таинственного. Эти значения являются результатом рефлексии – сосредоточения и овладения собой в единстве природного и надприродного. Но рефлексия – это не только всматривание внутрь себя, погружение в себя и в свои образы, она также интенция, проекция «Я». Целостность личности не застывшая идентичность, это «безмолвный призыв», смысл которого постигается на протяжении всей жизни. Желание обрести «живое единство» реализуется через двойное напряжение сил: «сосредоточиваясь, чтобы обрести себя, затем рассредоточиться, чтобы обогатить свой внутренний мир, и вновь обрести себя...»⁵.

Ю. Хабермас представляет Я-идентичность как баланс между *личностной и социальной идентичностью*. Личностная идентичность обеспечивает связность истории жизни человека, а социальная идентичность отвечает требованиям всех ролевых систем, к которым принадлежит человек. Во взаимодействии человек проясняет свою идентичность, стремясь соответствовать нормативным ожиданиям партнера, но выражая свою неповторимость⁶.

⁴ Мунье, Э. Персонализм // Французская философия и эстетика XX века. – М.: Искусство, 1995. – С. 134.

⁵ Там же. – С. 150.

⁶ Хабермас, Ю. Демократия. Разум. Нравственность. – М.: ACADEMIA, 1995.

Условия разрешения кризисов в эволюции идентичности

Идентичность как динамичная структура развивается нелинейно и неравномерно, может идти как в прогрессивном, так и в регрессивном направлении на протяжении всей жизни человека, преодолевая кризисы. Э. Эриксон определяет *кризис идентичности* как *конфликт* между сложившейся к данному моменту конфигурацией элементов идентичности с соответствующим ей способом «вписывания» себя в окружающий мир и изменившейся биологической или социальной нишей существования индивида. Всякий раз, когда возникают биологические или социальные изменения, необходимы интегрирующая работа эго и переструктурирование элементов идентичности. Прогресс идентичности достигается одновременной *интеграцией и дифференциацией* различных взаимосвязанных элементов (идентификаций), на границе постоянства и изменения себя. На каждой стадии развития идентичности новые элементы должны быть интегрированы в имеющуюся структуру, а старые и отжившие – реинтегрированы или отброшены. Отбор новых компонентов в структуру идентичности и приспособление структуры к этим компонентам происходит в процессах *ассимиляции, аккомодации и оценки* значения и ценности новых и старых содержаний идентичности в соответствии с особенностями социального опыта индивида.

Высокая социокультурная динамика требует быстрой перестройки компонентов идентичности, осуществления выборов, посредством которых человек принимает вызовы времени и новые ценности. Но для поддержания своей идентичности личность может какое-то время не воспринимать эти изменения, используя для этого различные стратегии защиты идентичности, поскольку быстрое разрушение структуры ведет к потере идентичности и связанным с этим негативным состояниям (депрессии, самоубийства). Кризис идентичности, как правило, фокусируется в определенных жизненных сферах, но если он развивается по-разному в разных областях жизни человека, то тот попадает в «многофазовый кризис» (Д. Маттесон). Даже имея достигнутую идентичность, человек, испытывая кризис, может ввергнуться в диффузное состояние и вернуться на более низкий уровень идентичности. Но когда запускается процесс *разрешения кризиса*, у человека вновь есть шанс достичь идентичности.

Итак, иметь зрелую идентичность – обозначает быть самим собой в уподоблении себя выбранному социокультурному окружению. Принцип сосуществования социальности и индивидуальности в идентичности указывает, что условиями построения личностной идентичности и разрешения кризисов являются:

- идентификация, ассимиляция и интеграция значимых социокультурных образцов;
- развитая рефлексия своих переживаний для самоотождествления;
- коммуникация и ее опосредование значениями отношений Я и Другого;
- понимание и согласованность всех значений Я;
- выбор новых ценностей и целей и решимость для разрешения кризисов.

Таким образом, социокультурная сущность идентичности указывает на метафизическую связь культуры и человека: культурный контекст может или способствовать, или препятствовать формированию идентичности индивида. Нам важно понять, какие конкретные влияния оказывает современный социокультурный контекст как символический «другой» на содержательные аспекты идентичности.

Требования многослойного контекста бытия к антиномным свойствам личности

Проблемой построения идентичности современной личности является противоречивая сущность современного культурного контекста: с одной стороны, *антиномный* характер культуры, с другой стороны, глобальная *интеграция*. Философы XX в. описали антиномичный характер нашего экзистенциального времени, который проявляется в полицентрической, многополюсной структуре. Духовные корни современной западной культуры уходят в иудейский профетизм, классическую греческую культуру, античный империализм, западное средневековье, эпоху Просвещения (В. Библер, Э. Трельч, К. Ясперс и др.). Э. Трельч полагал, что основной проблемой современного человека будет «культурный синтез». И действительно, наш современник вынужден постоянно прикладывать усилия для синтеза Я в преодолении антиномий культуры: тради-

ции и новации, вещного и духовного, импульса желания и сознательного творчества, чувственного бытия и символической деятельности, необходимости и свободы, обыденности и игры, идеала и симулякра.

Явления глобализации как проблема становления идентичности

Факторы и векторы глобализации показывают направление общественных процессов, но в повседневном опыте человек сталкивается с *проявлениями* глобализации как конкретным семантическим контекстом, влияющим на усвоение культурных значений в идентичности личности. В опыте человека типы идентичности и явления глобализации взаимообусловлены более сложно, но в нашем анализе их сопоставление позволяет выявить некоторые тенденции становления идентичности.

1. *Рыночный характер отношений, конкуренция и обеднение значения мира как символического «другого».* Сегодня рынок входит во все сферы жизни и устанавливает свои формы и «стоимости успешности». Мир вещиности и употребления востребует производителя и потребителя, а не произведение и творца, что лишает человека культурных конструктов формирования идентичности. Еще К. Маркс определил процесс превращения результатов человеческой деятельности как отчуждение. Рыночные отношения вытесняют неконкурентные слои граждан на границу выживаемости и одичания, не позволяют строить культурное бытие и сохранять уважение к своей личности. Это актуализирует новых «героев» для идентификации – и вот уже «брат» ищет правду с обрезом в руках, и зритель принимает беспощадного, справедливого, нерыночного героя.

2. *Плюрализм как множественность и анонимный характер бытия личности.* Установка только на множественность без связи с единством и конкретностью рассеивает все существующие представления человека и делает его бытие анонимным. Открытость миру, молчаливый характер бытия личности, латентное слияние в самосознании собственных влечений, чувств и мыслей с диктуемыми ей средствами информации определенными формами мышления и деятельности замещает человеку рефлексию собственных

переживаний и порождает имитацию субъектности индивида. М. Хайдеггер описал такое *безличное существование* (man) человека «как все» в мире объективированных ценностей и форм общения. В безличном мире человек лишь в предельных ситуациях постигает существо своей экзистенции, смысл своего бытия в мире⁷.

3. «*Контактный тип*» социальной целостности и деперсонализация. Современные коммуникации (Интернет, телевидение, спутниковая связь) неограниченно распространяют в массовом сознании современные концепции, представления и идейно-ценностные ориентации. Такая коммуникация интегрирует общество в глобальном масштабе и создает социальную целостность «контактного типа» (М. Маклюэн). Но «контактный тип» социальной целостности ослабляет живую, непосредственную коммуникацию. Кроме того, усиление групповой самокатегоризации деперсонализирует индивидуальное самовосприятие. С. Л. Рубинштейн определил такое отчуждение человека от человека как отрыв сущности от существования, *неподлинность его бытия*. Отношения людей сводятся к взаимодействию на уровне имиджа, «маски», социальной роли⁸. Интернетовская деревня наполнена фальсифицированными образами людей, скрытых за выдуманными образами и «никами». Отношение к человеку как к «маске» превращает его в орудие, средство или деперсонализирует его. *Деперсонализация* – это восприятие себя не как уникальную личность, а как взаимозаменяемый экземпляр социальной категории. Э. Мунье писал: «Когда коммуникация ослабляет свою напряженность или принимает извращенные формы, я теряю свое глубинное “Я”. Ведь известно, что все душевные расстройства связаны с потерей контактов с “другими”, здесь alter становится alienus, а я *оказываюсь чуждым самому себе, отчужденным от себя*»⁹.

4. *Прагматизм как мировоззрение и индивидуализм как способ бытия человека*. Прагматизм как идеология несет идею тотальной полезности в ущерб нравственным основам в человеке – совести, человечности. Внедряемые сегодня в массовое сознание новые стереотипы самоутверждения – индивидуальный успех, достигитель-

⁷ Хайдеггер, М. *Время и бытие*. – М.: Республика, 1993.

⁸ Шестов, Л. *Апофеоз беспочвенности*. – М.: Захаров, 2000.

⁹ Мунье, Э. *Персонализм*. – С. 135.

ность, индивидуализм, рациональная адаптация – конструкты, чуждые традиционной идентичности россиян. Противоречие между результатом и средством, отсутствие честности и искренности в отношениях между людьми создает ситуацию, когда человек теряет доверие к людям, идеям, делу. В результате происходит разрушение *базального доверия* к миру – основы идентичности, по концепции Э. Эриксона. Прагматизм производит индивидуализм в форму жизни. Индивидуалист живет во внутренней изоляции, воплощает принципы усиленного самосохранения, обеспечивая права только своего Я и строя жизнь только для себя. Но индивидуализм – это *расщепленное бытие* человека, который пытается остаться самодостаточным в себе самом (Р. Лаут). «Расщепленное бытие» разрывает естественные для человеческой психики связи «Я – другой», что нарушает личностную целостность¹⁰.

4. *Укрупнение образа социума, интеграция социальной системы и потеря уникальности человека.* Всякий живой организм обладает своей уникальной природой, и ему полезна только определенная степень открытости-закрытости. Полная открытость приводит к тому, что истощается сокровенное или интимное содержание человеческой личности, исчезает тайна его бытия и уникальность. Ж. Бодрийяр видит в этом проблему потери границы собственного бытия, когда интимное («приватное») приобретает оттенок всеобщности. Но когда *исчезает «другой» – потаенный в себе*, вместе с ним исчезает самостоятельность¹¹. Это губительно для социального организма в условиях вакуума норм и ценностей. А. Швейцер утверждал, что «когда общество воздействует на индивида сильнее, чем индивид на общество, начинается деградация культуры»¹², так как умаляются духовные и нравственные задатки человека.

5. *Информационное давление социального целого на сознание индивида посредством глобальных средств воздействия и деструкция самоидентификации.* Информационные средства коммуникации (СМК) как инструмент власти социума над индивидуальностью являются источником стандартизации, механизации иден-

¹⁰ Лаут, Р. Философия Достоевского в систематическом изложении. – М.: Республика, 1996.

¹¹ Библер, В. С. От наукоучения к логике культуры. – М., 1991.

¹² Швейцер, А. Упадок и возрождение культуры. Философия культуры. Ч. 1 / Благоговение перед жизнью. – М.: Прогресс, 1992. – С. 69.

тичности, затрудняют постижение, раскрытие Я в культуре. Для разрушения идентичности используются принципы приведения человека к состоянию «как все», «выработки единой идеологии группы», «низведения к ребенку» – то есть то, что возвращает личность в статус ребенка и облегчает введение идеологических ценностей с нуля.

Г. Г. Почепцов описывает технологии средств информации, прямая цель которых – разрушение идентичности¹³.

Снятие идентичности. Установление вины.

Самопредавание.

Тотальный конфликт и базовый страх.

Мягкость и возможность.

Подталкивание к признанию.

Канализация вины и т. д.

Посредством СМК транслируются формы замещения и подмена уникальности и целостности индивидуального мышления, чувств, потребностей и ценностной ориентации людей: «идеологизация», «массовизация», «индоктринизация», «фетишизация», «мистификация». Под влиянием фантомов «ложного сознания» (идеологий различного толка) и «поспешного морализирования» массового общества (В. Библер) происходит деструкция самоидентификации, формируется «человек без свойств».

6. *Массовизация культуры, реклама как двигатель глобализации и отрыв сущности от существования человека.* Современное значение рекламы направлено не на прямую покупку товара, а на введение в структуру значений потребителя определенного имиджа, с которым связан товар. Семиотическое значение рекламы размывает границы самости и затрудняет установление контакта с собой. Товарный знак постепенно как бы «присваивает» человека, навязывая ему определенный образ и чувство принадлежности к определенной социальной группе: *успешная женщина пользуется только такой косметикой, мужественный мужчина курит только такие сигареты, модный молодой человек носит такую спортивную марку.* Так происходит семиотическое влияние на сознание индивидуальности для построения определенного типа идентификации потребителя.

¹³ Почепцов, Г. Г. Коммуникативные технологии двадцатого века. – М.: Рефл – бук; Киев: Ваклер, 1999.

Формируется личность, которую Г. Маркузе назвал «одномерный человек», – носитель определенной социальной роли¹⁴. Члены «одномерного общества» думают и говорят «шершавым языком плаката» (В. Маяковский) – языком газеты, рекламы, телевидения. Постепенно процесс отчуждения человека от трансцендирующих истин, мысли, искусства, эстетики жизни ведет к *отрыву сущности от существования человека*.

7. *Универсализация языка знаковых систем информации электронных средств и унификация психологических характеристик личности*. В условиях прагматики PR компании транслируют информацию посредством обедненного языка на основе простых сравнений и ассоциаций. Различные реалити-шоу, носящие внациональный характер, внедряют в сознание зрителей унифицированные образцы поведения определенных психотипов (исследования С. Пека):

- «*козел отпущения*», который демонстрирует деструктивное поведение смиренного субъекта;
- *нарциссическая личность* с преобладающей, но завуалированной нетерпимостью к критике как следствием нарциссической травмы;
- *претенциозная личность* с выраженным беспокойством о внешности и собственном имидже самоуважения;
- *слабовыраженный шизофреник* с расстройствами в процессе мышления в стрессовых ситуациях.

Пропаганда унификации психики людей на основе нездоровых образцов ведет к снижению общего развития индивидуальности человека, его способности к самовыражению. И чтобы быть самим собой в уподоблении *выбранному* социокультурному окружению, человеку необходим пересмотр прежних, настоящих и будущих идентификаций, проектирование в будущее их качественно нового сочетания.

Описанные явления глобализации, «моделируя в нас человека», делают естественное построение идентичности проблемой: удлинняют периоды кризисов, провоцируют диффузную идентичность, «расколотое Я». Эти влияния затрагивают все аспекты идентичности:

- для экзистенциальной составляющей – потеря уникальности человека, отрыв сущности от существования человека;

¹⁴ Рубинштейн, С. Л. Бытие и сознание. Человек и мир. – СПб.: Питер, 2003.

- для рефлексивного механизма идентичности последствие – унификация психологических характеристик личности, деструкция самоидентификации;
- для семантического аспекта идентичности – обеднение значения мира как символического «другого», анонимный характер бытия личности, деперсонализация;
- для социального бытия – индивидуализм и отчуждение как способ существования.

Российская специфика в разрешении кризиса идентичности личности в условиях глобализации

Психоанализ убедительно показал *молчаливый характер индивидуального бытия* личности: индивид интерпретирует опыт в заданных схемах языка и со всеми предрассудками общества. Явления глобализации углубляют иррациональное господство общества над личностью, антиличностную социальную экспансию в уникальность человека. Становясь бессознательным механизмом «привязывания» чувств, потребностей, сознания индивида к социуму, они исключают его самобытное развитие, основанное на личном выборе и индивидуальной свободе.

У российского человека в разрешении социокультурного кризиса идентичности в процессе глобализации существуют *отягощающие обстоятельства* – исторически обусловленная изоляция от европейского социокультурного процесса и авторитарная идеология. С одной стороны, это помогало «безболезненно» строить идентичность, поскольку были заданы образы и образцы. Но, с другой стороны, отсутствие выбора и ответственности за выбор целей, ценностей препятствовало формированию ответственности за свою жизнь и культурных способов преодоления кризиса идентичности. Российский человек шел «другим путем» и теперь вынужден переживать все те экзистенциальные кризисы, к преодолению которых у европейцев уже сформировались культурные средства.

Кроме того, *транснациональные компании, крупные наднациональные образования* как явления глобализации, преодолевая границы государств, несут с собой наднациональную политику,

уменьшая национальный суверенитет, но вместе с этим пробуждая бурный рост национализма¹⁵. Нельзя не согласиться с выводом Л. Е. Гринина, что в ситуации, когда возможен ренессанс национальных структур и идей, нужна гибкость в отношении *национальных традиций*. В многонациональном российском государстве это особенно важно для национальной идентичности личности. Однако мы наблюдаем противоречие социальной ситуации в России: с одной стороны, строятся и восстанавливаются храмы, священники получили свободу обращения к своей пастве; с другой стороны, российские СМИ внедряют в массовое сознание новые стереотипы самоутверждения – прагматизм, индивидуализм, рационализм. Но источником рационализма в европейской культуре стала протестантская религиозная этика как система мировосприятия и определенная психология (М. Вебер). М. Элиаде доказал, что даже у нерелигиозных людей религия и мифология скрыты в глубинах сознания и всплывают из бездн бессознательного в Я, как только задеваются универсальные символы, связанные с этой глубинной памятью. Для российского менталитета характерны качества личности, обусловленные свойствами российской культуры, выраженной *православием* и советской идеологией: приоритет духа над материей, центрированность на нравственном сознании, неприятие рационализма, пренебрежение к практицизму, принцип коллективизма, патриотического культа служения обществу. Прививка фрагментов чужих традиций и культуры в идентичность российского человека имеет как следствие *деформацию личности* – противоречие между ее культурной сущностью и социальными способами реализации.

Ситуация кризиса идентичности россиянина в процессе глобализации усугубляется традиционным «апофеозом беспочвенности» (Л. Шестов) на фоне динамичного расширения социокультурного контекста до границ мира. Всемирная отзывчивость русской «спеленутой» души (по выражению Э. Эриксона) и ее соборность при отсутствии культуры ответственной идентификации может в очередной раз привести к «пересадке культуры» идентичности с чужо-

¹⁵ Гринин, Л. Е. Государство и исторический процесс. Политический срез исторического процесса. – М.: КомКнига, 2007. – С. 154.

го плеча. Но как быстро сформировать ответственную личностную идентичность, если «культурность – наследственный дар, и сразу привить ее себе почти никогда не удастся»¹⁶? Вследствие предыдущей «секуляризация духовности» у нас потеряна традиция духовной опеки человека, и в ситуации кризиса он остается в одиночестве. И открытое молодое поколение воспринимает прививаемую целерациональную культуру эмоционально и некритично, а у взрослого населения сопротивление ей вызывает рост иррациональных элементов сознания.

Возможные последствия и культурные перспективы разрешения кризиса идентичности в условиях глобализации

Формирование диффузной, неосознаваемой, негативной идентичностей связано с *пассивной позицией человека* перед лицом информационного давления на сознание индивида со стороны социального целого, при котором постижение, раскрытие и проявление в культуре индивидуального «Я» затруднено. Явления глобализации требуют от человека новых идентификаций и высоких темпов интеграции, но культурная сущность человека не может создавать личностные формы в темпах глобализации. Следствием этой «заторможенности» являются деперсонализация, разные формы отчуждения, враждебность в отношении новаций или снижение культуры личности, стандартизация, массовизация с ее инстинктивными формами поведения.

Следствием деформации личности, не способной отвечать на вопрос «Кто Я?», то есть устанавливать свою идентичность и развиваться в темпах современной глобализации в окружении «чужого» текста социума, является уход от себя и реальности в алкоголизм и наркоманию. Неблагополучное разрешение кризиса идентичности – это результат безответного, безответственного отношения человека к себе. Успешное преодоление кризисов требует от человека постоянных усилий в построении идентичности на каждом из жизненных этапов: интеграции и дифференциации взаимосвязанных идентификаций, ассимиляции, аккомодации и оценки социальных взаимодействий со значимыми другими, овладения семиотическими средствами выражения себя и понимания языка

¹⁶ Шестов, Л. Апофеоз беспочвенности. – С. 19.

других, самоотчета, рефлексии и проектирования своего образа. Индивид вынужден преодолевать как антиномный характер самой идентичности, так и социокультурные антиномии реальности и принимать или отвергать новые социальные ситуации, виды деятельности, ценности.

Современные философские исследования глобализации (А. Н. Чумаков, А. П. Назаретян) указывают на актуальность развития *субъективного фактора* – осознания человеком своей принадлежности к определенной культурной традиции, типу общественного развития, интерактивного сознания с преобладанием общечеловеческих ценностей, когнитивной сложности индивидуального интеллекта. Оптимизм философии в отношении преодоления кризиса человека (от Э. Мунье до П. Рикера) опирается на понимание того, что внутренние ресурсы личности не предопределены заранее: и то, «что она выражает, не исчерпывает ее, то, что ее обуславливает, не парализует»¹⁷. Для укрепления внутреннего мира у личности существуют способы выхода *вовне*: своеобразие, протест, свобода и ответственность, трансценденция, деятельность, творчество. Личностная жизнь современного человека – это и самоутверждение и самоотрицание субъекта, и обладание и бытие.

Общим контекстом нашего размышления во всех его частях является *возвращение человеку «заботы о бытии-в-мире»* (М. Хайдеггер) и ответственности в построении осознанной идентичности, чтобы не потерять свою человеческую сущность. Иметь *целостность как результат зрелой идентичности* возможно путем пересмотра прежних, настоящих и будущих идентификаций, выработки их качественно нового сочетания, что требует от личности мобилизации всех личностных сил и времени. Поэтому «забота» о человеке для современной философии и психологии – определить тот культурный инструмент – амплификатор, который бы усилил способность человека к пониманию себя, «участное мышление» (М. Бахтин) в отношениях с миром и с собой.

Философия и психология предлагают вниманию современного человека новые идеи и методы понимания мира. Одна из них – *идея самопонимания* на феноменолого-герменевтическом основании (П. Рикер). Культура как мир человеческих смыслов по-прежнему

¹⁷ Мунье, Э. Персонализм. – С. 109.

хранит необходимые предпосылки для дальнейшего творческого саморазвития человека. *Синтез антиномизма*, по убеждению П. Флоренского, – в *символе*, который в культуре человечен и одновременно сверхчеловечен¹⁸. Понять существование себя и иного – означает понять его как символическое бытие посредством *символики своего произведения как другого-в-себе*. Культура самопонимания восполняет все планы идентичности: экзистенциальный, рефлексивный, семантический в создании и интерпретации культурного произведения как символического опосредования желаний, рефлексии его значения, выявления личностного смысла для понимания уникальности, предназначенности, возможностей Я. И это – воплощенная в творчестве забота о целостности и полноте бытия личности. Идея и культура самопонимания – разработанный культурный инструмент преодоления кризиса идентичности, кризиса смысла, кризиса сознания – позволяют открыть не только актуальное Я, но и возможное Я личности в современной культуре.

Подведем *некоторые итоги нашего размышления* об идентичности современного человека. Осуществленный анализ психоаналитического и персоналистского подходов к сущности идентичности прояснил необходимые социокультурные условия формирования зрелой позитивной идентичности и разрешения ее кризисов, что обеспечивает целостность, психическое здоровье и социальное благополучие человека и общества. Обобщение материалов современных философских работ позволило представить многослойный контекст современного социального бытия человека, в котором значимыми являются факторы, векторы и явления процесса глобализации.

¹⁸ Флоренский, П. А. У водоразделов мысли. – М.: Правда, 1990.